

Научная статья / Research Article

УДК 930.2

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-255-270

Александр Сергеевич Ковалев

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

alexkovaleff@yandex.ru

МЕТОДИКА КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

История повседневности – относительно молодое направление для мировой исторической науки и практически новое для отечественной историографии. Сторонники этого направления акцентируют внимание на обыденных практиках поведения рядовых граждан в определенный исторический период. Они противопоставляют историю повседневности традиционному изучению прошлого, когда центральное место в исследовании занимают не политическая история, экономические структуры или социокультурные процессы, а жизненный мир обычных людей. Критики истории повседневности зачастую упрекают ее в отсутствии полноценных методик, которые могли бы совмещать в себе результаты исследования разной тематики. Принципиально соглашаясь с доводами и той, и другой стороны, следует отметить, что в рамках научных публикаций, основанных на методологии истории повседневности, в настоящее время накоплен существенный опыт. При этом одни авторы предлагают изучать устойчивые структуры повседневности, другие занимаются анализом поведенческих и эмоциональных реакций. Именно поэтому многообразие понимания того, что такое повседневность требует упорядочения, систематизации и выработки методики комплексного анализа повседневной жизни населения в ее историческом ракурсе. Первая часть статьи представляет собой попытку разработки алгоритма такого анализа, включающего в себя как изучение самих «структур повседневности» политического, экономического и социокультурного пространства, так и действия в этих пространствах рядовых обитателей с их персональным восприятием исторической реальности, в которой они жили. Во второй части статьи предлагается апробация разработанной методики комплексного исследования повседневности с использованием материалов, отражающих повседневную жизнь инвалидов Отечественной войны в Красноярском крае 1941–1945 гг.

Ключевые слова: история повседневности, методология истории, методика исторического исследования, анализ, структуры повседневности, инвалиды Великой Отечественной войны

Для цитирования: Ковалев А.С. Методика комплексного анализа истории повседневной жизни населения // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 255–270. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-255–270.

Alexander Sergeevich Kovalev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

alexkovaleff@yandex.ru

**HISTORY COMPREHENSIVE ANALYSIS METHOD
OF THE POPULATION DAILY LIFE**

The history of everyday life is a relatively young direction for world historical science and practically new for domestic historiography. Proponents of this trend focus on the everyday practices of behavior of ordinary citizens in a certain historical period. They contrast the history of everyday life with the traditional study of the past, when the central place in the study is not political history, economic structures or sociocultural processes, but the life world of ordinary people. Critics of the history of everyday life often reproach it for the lack of full-fledged methods that could combine the results of research on various topics. While fundamentally agreeing with the arguments of both sides, it should be noted that within the framework of scientific publications based on the methodology of the history of everyday life, significant experience has now been accumulated. At the same time, some authors propose to study stable structures of everyday life; others analyze behavioral and emotional reactions. That is why the diversity of understanding of what everyday life is requires ordering, systematization and the development of a methodology for a comprehensive analysis of the everyday life of the population in its historical perspective. The first part of the article is an attempt to develop an algorithm for such an analysis, which includes both the study of the “structures of everyday life” in the political, economic and sociocultural space, and the actions of ordinary inhabitants in these spaces with their personal perception of the historical reality in which they lived. The second part of the article proposes testing the developed methodology for a comprehensive study of everyday life using materials reflecting the daily life of disabled people during the Patriotic War in the Krasnoyarsk Region of 1941–1945.

Keywords: history of everyday life, methodology of history, methods of historical research, analysis, structures of everyday life, disabled people of the Great Patriotic War

For citation: Kovalev A.S. History comprehensive analysis method of the population daily life // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 1. S. 255–270. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-255-270.

Введение. Одним из актуальных научных трендов в современной исторической науке остается использование в качестве методологического основания для исследований такого подхода, как история повседневности. Понятие повседневности охватывает весь жизненный мир человека или социальной общности. Как пишет И.Б. Орлов, по сути, вся «история общества – это повседневная жизнь человека в ее историческом измерении» [1, с. 4]. Традиционно повседневность противопоставляется политическим, экономическим, социальным и духовным структурам общества, в лучшем случае в ней рассматриваются отдельные материальные или ментальные стороны человеческой жизни. Но, как

справедливо отмечает В.Д. Лелеко, «повседневность обнаруживает тенденцию универсальности. Нет таких... сфер жизни, которые не имели бы отношения к повседневности» [2, с. 79].

Н.В. Розенберг говорит о том, что повседневная жизнь охватывает все сферы человеческого существования, «начиная от трудовой деятельности и участия в общественно-политической жизни и кончая бытом и досугом» [3, с. 138]. Сюда же она включает процессы саморазвития человека, интимной жизни, организации обыденных социальных отношений, общение, мировосприятие, воспитание детей, заботы о собственном имидже, элементы религиозной и социальной обрядовой практики.

Повседневность включает в себя как материальный, так и духовный аспекты, и пронизывает все сферы человеческой жизнедеятельности. Поэтому, как отмечает В.Д. Лелеко, сегодня среди ученых существует тяга к полному охвату структур повседневности, то есть «стремление связать повседневность как микроисторический уровень жизни с макроисторией (экономикой, политикой... и т. д.), показать их взаимодействие» [2, с. 10–12]. Он называет такой подход «стремлением к сбалансированной исторической реконструкции повседневной жизни» [2, с. 11]. Именно поэтому история повседневности позволяет изучать большие процессы с учетом процессов, которые происходили в жизни обычных людей. Обращение к истории повседневности дает возможность оценить политические, экономические, социальные, культурные процессы через изучение микросоциальных отношений, определявших образ жизни рядового человека.

В то же время нельзя не согласиться с теми учеными, кто считает, что повседневность – это не просто существование человека в условиях взаимодействия структур общественной жизни, но и отражение социальной реальности в его сознании. Один из «отцов» истории повседневности А. Шюц полагал, что, анализируя повседневность, следует изучать сознание людей. Й. Хейзинга призывал реконструировать повседневность через изучение в сознании людей прошлого отражения исторических событий, куда включал эмоциональные реакции на эти события [4]. Э. Хобсбаум отмечал, что при этом особое внимание должно уделяться исторической психологии, то есть устойчивым стереотипам поведения [5, с. 65]. Что касается изучения истории повседневности в отечественной науке, то В.Е. Давидович и Е.В. Золотухина-Аболина считают, что повседневный мир – это реальность, которая формируется обыденным сознанием человека, исходя из его образов, установок и ценностей [6].

Е.В. Золотухина-Аболина также в повседневность включает стереотипы,

житейские аксиомы, «сферу невыговоренного» [7, с. 16]. Согласно Н.В. Розенберг, все сферы повседневной жизни человека наполнены чувствами, эмоциями, переживаниями, поэтому сама повседневная жизнь предстает как реальность, интерпретируемая и субъективно осмысляемая людьми [8, с. 54]. Изучение повседневности – изучение восприятия и переживания человеком происходящих событий, разнообразия проявления человеческой субъективности [9].

Таким образом, можно сказать, что основные черты повседневного сознания проявляются во всех областях деятельности человека и наоборот. В таком случае повседневность в историческом исследовании – это область, включающая в себя поведение, переживание и восприятие исторических событий в обычной жизни. В центре внимания исследователя повседневности оказываются жизненные проблемы и их осмысление современниками изучаемых событий [1, с. 7]. Историк повседневности анализирует индивидуальные и групповые поведенческие и эмоциональные реакции на политические, экономические, социокультурные процессы, происходящие в обществе.

Повседневность можно рассматривать с двух позиций. «Статичный» подход к изучению повседневности предполагает исследование бытовой жизни людей, «динамический» подход реконструирует социальные практики населения. В этом смысле история повседневности превращается не просто в описание образа жизни, а представляет собой анализ основных структур повседневности. Однако можно предположить, что оптимальным будет сочетание двух подходов. «Статичный» аспект будет представлен самими структурными элементами повседневности, а «динамичный» будет включать в себя поведенческие и психологические (эмоциональные) реакции.

Тем самым изучение повседневности сводится к интерпретации событий макроистории на микроисторическом уровне. Можно согласиться с И.Б. Орло-

вым, что в этом смысле изучение повседневности – это исследование того, «как люди “на собственной шкуре” испытывают тот или иной исторический опыт» [1, с. 100], это анализ их личных взглядов и суждений по поводу происходящих исторических событий. В связи с этим определяется **цель исследования** – разработка и апробация такой методики исторического исследования повседневности, которая учитывала бы как непосредственно «структурный» аспект повседневности, так и его отражение в поведении и сознании человека или социальной группы.

Результаты исследования и их обсуждение. В первую очередь необходимо определить типы и соответствующие им структуры повседневности, которые будут подвергаться анализу. И, поскольку любой человек так или иначе включен во все сферы общественной жизни, будет правильным выделить 1) политическую, 2) экономическую, 3) социальную и 4) духовную (культурную) повседневность и каждую рассмотреть отдельно.

Наиболее изученной в исторических исследованиях, благодаря Ф. Броделю и его последователям, является *экономическая повседневность*, которая представляет собой отражение материально-вещественного мира человека. Она позволяет определить место человека в процессе производства и потребления материальных благ, проанализировать мотивы, организацию и результаты экономической деятельности человека [10]. Ф. Бродель к этому типу повседневности относил условия жизни, производственную деятельность, направленную на удовлетворение потребностей, развитие и использование техники и технологии для удовлетворения потребностей [11].

Развивая эту мысль, следует расширить сферу экономической повседневности. На основании различных представлений о содержании структур повседневности, отмеченных в публикациях Ж. Ле Гоффа [12], Л.В. Щербаковой [13], Е.В. Чуевой [14], В.Д. Лелеко [2, с. 6, 86–97], Л.Д. Гудкова [15], И.Б. Орлова [1, с. 7],

экономическая повседневность представлена следующими «блоками».

1. *Материальное положение*, куда входят официальные и дополнительные доходы, расходы, соотношение индекса цен и заработной платы, добровольная или вынужденная практика экономии денежных средств (с учетом представлений о ее необходимости, то есть характеристика того, во имя чего она делается, – отсутствие средств для расточительности, накопление сбережений (с указанием цели – для приобретения предметов длительного пользования или развлечений, путешествий и т.п.), возможности опережающего потребления (займы, кредиты в денежной и натуральной формах, наличие неформального кредитования).

2. *Пространство обитания* и обустройство среды обитания: жилище и его внутреннее пространство, жилищные условия, мебель, домашняя утварь, предметы обихода, развитие социальной инфраструктуры (дорог, связи, транспорта и т.п.).

3. *Бытовая повседневность* – ведение домашнего хозяйства (заготовка и или приобретение, хранение продуктов питания, приготовление пищи, поддержание порядка и чистоты жилища, утвари, одежды и пр.).

4. *Производственная (профессиональная) повседневность*, то есть основные занятия горожан разных категорий, служащие источником средств существования и направленные на их добывание, сохранение и приумножение (сюда же традиционно включается учебная деятельность). К этой же сфере повседневности относятся характер трудовой деятельности, условия труда и использование благ рабочего места, возможности трудовой мобильности, вопросы мотивации труда и заинтересованность в результатах своего труда, производственные отношения, трудовые конфликты и их решение, поиск дополнительных средств к существованию (подработка, двойная занятость).

5. *Экономическая активность населения* (купля-продажа, механизмы

ведения дел, дополнительная активность, например, работа на приусадебном участке, нелегальная или полуполегалная деятельность в самом широком виде (от работы без уплаты налогов (например, репетиторство) до изготовления домашней спиртной продукции на продажу), наличие сетей экономической поддержки.

6. *Консюмеризм и практики потребления*, то есть самообеспечение и снабжение продовольственными и промышленными товарами и услугами, возможность использования технико-технологических достижений, начиная от бытовой техники до пользования личными транспортными средствами). Здесь же важно оценить такие явления, как продовольственный и товарный дефицит, наличие очередей, возможность приобретения необходимых товаров и услуг, удовлетворенность качеством обслуживания.

7. *Культура питания*: доступность и качество потребляемой пищи и напитков, состав продуктовой корзины, рацион и ограничения питания, формы питания и культура поведения за столом.

8. *Культура внешнего вида*, то есть доступность и качество приобретаемой одежды, ассортимент, качество и модность тканей, обуви, меры по поддержанию внешнего вида, соотношение отечественного и зарубежного стилей.

Безусловно, в дополнение к поведенческим практикам трудовой или потребительской деятельности при анализе экономической повседневности должна быть изучена степень удовлетворенности экономическими благами (постоянная нехватка, довольствование малым, полная удовлетворенность), включая статусную оценку.

С опорой на исследования тех же авторов можно охарактеризовать **социальную повседневность**, то есть повседневность, которую характеризуют взаимоотношения человека с другими людьми. В ней следует выделить следующие структуры.

1. Демографические показатели, демографические процессы, демографи-

ческие представления и демографическое поведение населения.

2. Текущая социальная структура и социальная стратификация, степень социального неравенства и их оценка.

3. Специфика гендерных отношений, стереотипные роли мужчины и женщины в обществе на разных возрастных ступенях и персональная оценка.

4. Личностно и социально значимые моменты в жизни человека, их восприятие, включая становление и развитие семьи и семейные отношения, проблемы семейной жизни, воспитание детей.

5. Процесс социализации человека в условиях разных общественных групп и социализации разных социальных групп, включая удовлетворение социальных и психологических потребностей (общение, получение информации, психологическая поддержка, уважение, любовь, вера, привычки и предпочтения).

6. Межличностные, неформальные групповые отношения и поведение в разных микросоциальных (профессиональных, конфессиональных и др.) группах, в условиях социальных институтов и за их пределами, включая оценку качества социального капитала.

7. Межнациональные и прочие отношения, построенные по принципу «свой – чужой», повседневные практики стигматизации [16].

8. Девиантное (негативное и позитивное) поведение и его проявления, групповые и индивидуальные девиации, степень дезориентации в обществе, в том числе во время кризисов и/или радикальных социальных перемен, включая делинквентное и криминальное поведение, а также суицидальные настроения. Сюда же следует отнести реакцию общества на проявление девиантности и применение формальных и неформальных санкций.

Не менее сложной является **культурная (духовная) повседневность**. В нее, с одной стороны, включаются досуговые практики человека, с другой – сама культура и духовная жизнь населения, то есть все, что так или иначе направлено на удовлетворение духовных

потребностей человека. В ней могут быть выделены структуры, состоящие из нескольких «блоков».

В первый блок будут отнесены типичные формы рекреации людей, включающие в себя восстановление организма, снятие напряжения, осуществляемые в различных формах отдыха, активного или пассивного досуга: свободное время и организация отдыха населения, представленное индивидуальным самообразованием и просвещением, играми, развлечениями, путешествиями, семейными и общественными праздниками с оценкой степени удовлетворенности человека выходными, праздничными днями и отпуском [3, с. 138].

Второй блок можно условно назвать мировоззренческим. В него входят пропаганда и идеология и отношение к ним населения (принятие, отторжение, высмеивание и т.п.), религиозное и антирелигиозное мировоззрение, в том числе отправление религиозных обрядов или деятельность атеистической направленности. Г.Ф. Горбашова включает сюда же различного рода ценности (патриотизм, дисциплинированность, моральные нормы и правила), восприятие их и следование им [5, с. 66].

Третий блок составляют непосредственно культурные практики с их персональной и групповой оценкой, а именно:

– аутентичная и заимствованная книжная, газетно-журнальная, музыкальная, кинематографическая культура с указанием предпочтений;

– отражение событий изучаемого прошлого в искусстве и восприятие этого отражения в сознании человека;

– язык эпохи и его изменение в зависимости от обстоятельств развития общества (речевая повседневность);

– юмористические практики с оценкой комплиментарности юмора, сатирического или критического подхода к социальной реальности, ее отражение в анекдотах.

Наименее изученной является **политическая повседневность**. Пожалуй, только в исследованиях К.А. Со-

ловьева встречается целостное понимание того, что это такое. Автор, обращаясь к Ж. Ле Гоффу и Г. Алмонду, в политическую повседневность включает устоявшиеся алгоритмы и разные формы политического поведения, на которые оказывают влияние мировоззрение, социальный опыт, уклад жизни [17]. Также сюда стоит включить представления населения о политических и прочих преобразованиях, их обсуждение, принятие или отрицание.

Важным и существенным в политической повседневности К.А. Соловьев считает получение сведений о политических событиях и формирование «безусловно искаженного», крайне субъективного представления о них. Важным элементом политической повседневности в этом смысле является «вера в безусловную значимость» того, что происходит [18].

Однако нельзя согласиться с тезисом автора о том, что политическая повседневность существует вне ценностных ориентиров, что она неидеологична и аполитична. К.А. Соловьев делает этот вывод, исходя того, что рассматривает не политическую повседневность, в которой живет население, а повседневность тех, кто включен в сферу политического, – законодателей и чиновников. Однако нам интересна в первую очередь политическая повседневность обывателей, которые в периоды реформ и преобразований становятся активными участниками политического процесса. Обыватели, включаясь в него в качестве избираемых в органы власти, ведущими активную общественно-политическую деятельность, и избирателей, обсуждающих (и осуждающих или принимающих) политические процессы. Поэтому на первый план выходят именно аксиологический и идеологический аспекты. К.А. Соловьев сам говорит о том, что носителем подлинной власти являются обыватели, которые имеют свои представления о том, что такое норма, и приводят все вокруг в соответствии с этой нормой [19]. В связи с этим в ходе изучения политической повседневности обывателей важно опреде-

лить, какие поведенческие принципы и мировоззренческие установки были характерны для населения. Например, как те или иные социальные группы понимали, что такое политика, государство, законность, демократия и т.п.

Перефразируя И.Б. Орлова, можно сказать, что стремление человека обеспечить свое существование обуславливает его отношения с государством [1, с. 96]. Поэтому в изучение повседневности следует включать приоритеты государственной политики и социальные действия граждан в соответствии с их оценкой. В соответствии с теорией социальных действий М. Вебера они могут делиться на традиционные, осуществляемые в силу привычки, и аффективные, связанные с эмоциями индивида [20, с. 628].

Как указывает Н.В. Плотичкина [21], оказываясь в сфере действия политики, индивид взаимодействует с другими людьми, представителями политических институтов. От конкретных представителей власти исходят некие политические практики, вызывающие ответную реакцию индивидов на действия носителей властных полномочий, что и определяет политическую повседневность рядового человека. Опираясь на исследования Е. Алексеенковой и В. Сергеева, она говорит о том, что сфера политического проникает в приватную сферу индивида, и тем самым постоянно происходит взаимодействие между государством и приватной сферой граждан. В самом деле, различные социальные группы так или иначе реагировали на все политические феномены истории XX в. (революция, партийная борьба в СССР в 1920–1930-х гг., развенчание «культы личности» Сталина, политический консерватизм 1970-х гг. с дряхлеющей верхушкой во главе и отражением ее в анекдотах, феномен перестройки, рыночные реформы 1990-х гг.). Происходит политизация повседневности – индивиды пытаются влиять на власть, отстаивая свои повседневные интересы.

Население становится потребителем политики и «политического», поэтому

политическая повседневность предполагает изучение личных взглядов человека, малых и больших социальных групп на политику, взгляды на политические партии и их представителей, политических лидеров; связана с прочтением политических новостей и обсуждением представленных в них событий со своим ближайшим окружением; предполагает активную вербальную коммуникацию разных социальных групп по поводу происходящего с использованием различных каналов коммуникации для выражения политических воззрений. Тем самым политическая повседневность описывает отношения между населением и политической сферой.

Исходя из вышеперечисленного, к политической повседневности можно отнести ожидание перемен, отклик (реакцию) на значимые политические события, согласие или несогласие с принимаемыми государством решениями, романтизацию или демонизацию реформ и любых перемен или их отсутствия), общественные настроения и проявления политического недовольства, демонстрацию лояльности режиму или противодействие ему (формально-ментальное или фактическое), выявление степени политического участия и позиции безучастных к политике лиц, участие в митингах, официальных и неформальных политических организациях. Также к политической повседневности может быть отнесена государственная идеология и идеология политических движений, следование ей или ее отрицание в соответствии с представлениями человека или социальной группы.

Для апробации предлагаемой методики попробуем обратиться к изучению повседневности советских инвалидов в годы Великой Отечественной войны, опираясь на документы Государственного архива Красноярского края.

Так, к примеру, **политическая повседневность** инвалида Отечественной войны была весьма амбивалентной. С одной стороны, вернувшиеся с фронта инвалиды были уверены, что они выполняли государственную задачу,

и поэтому советская власть – это «их власть», она всегда за них заступится. С другой стороны, на местах они встречались с чиновниками, которые эту власть олицетворяли, но никак не могли с этим смириться, поскольку те отнюдь не собирались о них заботиться. Инвалид из Ужура Гончаров писал в газету, что начальник одного из предприятий «мне как инвалиду Отечественной войны должен был помочь», но вместо этого выгнал его, когда Гончаров пришел решать бытовые вопросы. Искренне недоумевая, почему так вышло, ведь чиновник был «обязан выслушать... и помочь разрешить вопрос... особенно инвалида Отечественной войны... в первую очередь», он приходит к выводу, что такова она, «забота о защитниках родины со стороны... начальника» [22, л. 255]. Инвалид из Сухобузимского района Ф. Матышин (Матицин) также призывал секретаря местного райкома ВКП(б): «Неужели я не заслужил? На фронте получил увечье, защищая Отечество нашей Родины... Приведите в порядок директора... чтобы он не издевался над фронтовиками» [цит. по: 23, с. 34].

Гончарова и Матышина поддерживает другой инвалид: «Мы защищали Родину не для того, чтобы нас выгоняли... С политической точки зрения [если] он ничуть не идет навстречу пострадавшему человеку, значит, ему не нравится, что мы защищали родину, очевидно, ему не нравится советская власть», потому что он «не хочет выполнять приказы т. Сталина о помощи инвалидам Отечественной войны» [цит. по: 23, с. 35]. В этом случае еще более явно противопоставление «истинной власти» в лице вождя чиновникам – «врагам народа», против которых боролся товарищ Сталин.

Бесконечная вера во всемогущую власть в Москве приводила к тому, что любое внимание со стороны верховной власти воспринималось нетрудоспособными в Сибири чуть ли не как персональная связь с ее представителями. 63-летняя Елизавета Ковригина с инвалидностью обратилась с письмом к «вы-

сокому военному начальству», которое наградило ее сына высокой правительственной наградой. Пожилая женщина получила поздравительную телеграмму и решила, что в Кремле рассмотрят ее жалобу: «...Горжусь своим сыном, я его мать... Мой сын имеет четыре ордена, но я мать-старуха, живу, и мне нет никакой помощи... Местная власть сельсовета не обращает внимания на нас... Смеются, что твой сын каких-то там навесил наград, а ты [за это] хочешь пособие получить – нет, говорят... Прошу вас – немножко осадите их, чтобы они нас, старух, не раздражали и... чтоб поспособствовали мне» [24, л. 96].

26-летний инвалид С.Г. Павлишин в своих многочисленных письмах заведующей краевым отделом социального обеспечения Левиной писал, что он патриот, потому что «честно выполнил долг перед родным народом, отдал все, что требует Родина», и когда что-либо просил в крайсобесе, непременно добавлял: «просим вас сжалиться над нашей жизнью, как патриотов, как самых настоящих коммунистов»; «прошу вас, как патриота нашей Родины, помочь мне»; «Советское правительство я почитаю семьей, матерью и отцом». Когда ему удавалось что-то получить, то на смену высказываниям «мне очень тяжело проводить длительные дни», «горе и мучения и беда, которая одолела меня и мою молодую жизнь» приходят высказывания: «Мы радуемся, сами не знаем, чему», «я не беспокоюсь, что я не вижу, я живу с милыми, родными патриотами страны, которые меня не забывают» [цит. по: 25, с. 102].

Итак, недостатки в реализации государственной социальной политики в отношении нетрудоспособных вызвали неприменную ответную реакцию инвалидов. Они были убеждены в том, что они уже были вовлечены в политику в виде участия в войне и получили травматический опыт, который останется с ними навсегда, инвалиды полагали, что государство, которое они защищали, теперь обязано защитить их, в том числе от себя самого в лице нерадивых местных

чиновников. Инвалиды пытались влиять на власть, отстаивая свои повседневные интересы. Они предпринимали аффективные социальные действия в виде регулярных жалоб во все инстанции, исходя из деформированного сверхсубъективного представления о том, что главным приоритетом государственной политики должна быть забота об инвалидах. Полагая, что они заслужили особое к себе отношение, они превращали представление о повышенном внимании к ним со стороны власти в социальную норму.

Отразить полностью **экономическую повседневность** инвалидов Отечественной войны в 1941–1945 гг. с учетом всех критериев в формате статьи не получится, поэтому попробуем сгруппировать некоторые близкие по смыслу параметры и на конкретных примерах проследить, какой эта повседневность была.

Прежде всего, конечно же, следует оценить материальное положение, практики потребления, культуру питания, одежды и обуви. Вот как о своем состоянии говорили в своих жалобах, письмах, заявлениях в государственные и партийные организации сами инвалиды. Инвалид II группы А.И. Боровская писала: «...Мне не дают ни дом, ни корову, ни хлеб и даже не стали давать, что покусать. Как поеду просить, так говорят: нет, а для [других] есть... Пошла я в наше обеспечение, там мне дали 5 кг кормовой свеклы, и все...» [26, л. 106–106 об.].

Жалоба от 22-летнего инвалида Отечественной войны II группы Б.Ю. Санталова извещала военный отдел Сухобузимского райкома ВКП (б): «...Не имею ничего, кроме 200 грамм хлеба в день, а больше мне помощи ни с какой стороны нет. Месячный оклад – 190 руб., а когда картошка на рынке ведро стоит 170 руб., очень тяжело жить... Мне сказали, что дать ничего не можем... ибо у нас нет фондов для инвалидов, обращайтесь, куда хотите... Имеется крупа и другие жиры... они (чиновники из отдела собеса. – А.К.) укравают» [26, л. 112].

О чем-то похожем сообщал инвалид Б.А. Удалов: «...Питание плохое. Коровы своей нет. Я просил справку на получение диетпитания, но отказали, несмотря на тяжелое ранение... И меня лишили совсем сахара... Так как я хорошо знаю – сахар привозят в магазин, а давать не дают... Сейчас вынужденно сижу дома, потому что не в чем выйти, верхней одежды никакой нет – ни фуфайки, ни пальто, ни шубы – нет ничего, потому и приходится сидеть дома» [24, л. 4–4 об.].

Упомянувшийся уже инвалид Отечественной войны Ф. Матышин также отмечал, что «не имеет теплой одежды и обуви, а... у директора на складе имеются стеганные телогрейки, а у пимокатной мастерской имеются валенки, а [директор]... «валенки и телогрейки раздавал по блату, незаконно, кому не полагается, направо-налево» [24, л. 9–10].

Еще один инвалид жаловался на проводимую налоговую политику: «Льготами семья никакими не пользуется... [Чиновник] тогда, говорит, [налог] снимут, когда вся семья будет нетрудоспособной. А разве семья моя виновата в том, что я остался навек калекой? Разве они меня обязались кормить, поить, обувать, одевать?» [24, л. 56–56 об.].

Впрочем, в то же время проверяющие из Москвы, нередко бывавшие в Красноярском крае, отмечали, что «на Красноярском заводе № 477 было выстроено и оборудовано хорошее общежитие, все работающие инвалиды были обеспечены одеждой и обувью, получали трехразовое улучшенное питание. К тому же столовая завода дополнительно обслуживала всех инвалидов I–II групп, которые проживали рядом с заводом, но по своему состоянию здоровья были не способны трудиться. Кроме того, администрация завода через свою столовую обеспечивала усиленным питанием до 200 детей фронтовиков-инвалидов» [27, с. 117].

Оставляло желать лучшего и пространство обитания инвалидов. Например, инвалид Отечественной войны И.П. Кривых с женой и ребенком жил в бане, «без крыши, нет стульев, стола, никаких постельных принадлежностей»

[28, л. 39]. Плохо в районах Красноярского края был развит транспорт, особенно в той части, которая касалась перевозки инвалидов. А.С. Литвинов сообщал в крайком партии: «...Мы живем в глухой забытой таежной деревне далеко от центра. Выехать никуда невозможно» [24, л. 56–56 об.]. Б.А. Удалов писал, что он не смог вытребовать у местной администрации даже лошадь, чтобы отправиться на ВТЭК в райсобес. Он несколько раз обращался за помощью к администрации затона, в сельсовет и колхоз, но никакой помощи ему оказано не было [26, л. 39]. Еще один инвалид-фронтовик в Красноярске был вынужден ходить ежедневно на протезах 5–6 км к месту работы из-за отсутствия транспорта для перевозки [28, л. 39].

Московские контролеры в сентябре 1943 г. произвели свою специальную проверку бытового обслуживания инвалидов в Красноярском крае. Можно представить, какой была бытовая повседневность красноярских инвалидов, если проверяющие выявили отсутствие необходимых бытовых условий на 48 из 53 артелей: «...на заводе “Красный Профинтерн”, судоремонтном заводе, на мясокомбинате, предприятиях военторга, на других предприятиях... не обеспечены обмундированием трудоустроенные инвалиды» [29, с. 72].

Конечно, самой важной следует считать трудовую повседневность, тем более, что труд был одной из ведущих ценностей советского общества, а инвалиды, хотя и призывались к возвращению в ряды рабочих, далеко не всегда могли по-настоящему влиться в производственные коллективы. В личных письмах, заявлениях и жалобах инвалидов Красноярского края зачастую пересекаются отношение инвалидов к состоянию их здоровья, оценка своего материального положения и вопросы трудового статуса.

Инвалид Отечественной войны И.В. Черкашин писал о себе: «С каждым днем состояние моего здоровья ухудшается. Я уже не в состоянии заработать на свое существование... дохожу до послед-

ней крайности. Или весной должен умереть, или чахнуть...» [24, л. 3–3 об.]. Инвалид III группы А.М. Узунова жаловалась: «Работы я никакой найти не могу, потому что в деревне [работы] нет, а за деревню я не выйду, у меня нет ноги, а на одной далеко не упрыгаешь» [24, л. 10, 12].

Полно пессимизма и заявление инвалида А.С. Литвинова: «...Верьте, что я теперь никому не нужный и никуда не пригодный калека... Пройдет 2–3 года – я совсем стану не нужный... Я не могу найти себе работы, где бы меня приняли на работу, несмотря на то, что я уже пытался по возможности устроиться... Раз ноги нет, значит, ты не нужный» [26, л. 106 об.].

Отношение к труду у инвалидов было разным. Одни действовали, как И.В. Абросимов, который был дважды контужен, после очередного ранения у него «с головы был снят череп 7х5 см... Остался калекой, не пригодным к физическому труду, потерял... все, что было нажито честным трудом... Несмотря на ранение, он «все же сразу поступил на работу в контору» [30, л. 238а–239]. Другие бывали, как инвалид II группы А.И. Боровская, которая жаловалась, что ее после наступления инвалидности буквально «заставили работать» [26, л. 106 об.].

Итак, очевидно, что экономическая повседневность инвалидов Отечественной войны в 1941–1945 гг. напрямую зависела от мер государственной социальной политики, то есть от социального обеспечения и возможностей трудоустройства. Конечно, партия и правительство пытались сделать все возможное, чтобы обеспечить инвалидам приемлемый уровень потребления инвалидов, однако удовлетворенность нетрудоспособных условиями жизни, если взглянуть на нее глазами самих инвалидов, окажется недостаточной.

Анализируя **социальную повседневность** инвалидов Красноярского края в 1941–1945 гг., прежде всего, необходимо сказать о демографических показателях. Согласно статистическому исследованию «Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил», в период Великой Отечественной войны из ар-

мии было демобилизовано 2,5 млн инвалидов [31, с. 246], что, по мнению М.С. Зинич, составило почти 12 % убыли всего личного состава и более 7 % от общего количества мобилизованных [32, с. 146]. О динамике численности этой категории граждан лучше всего скажут сведения Красноярского крайсобеса, согласно которым перед началом войны в крае насчитывалось 22 160 инвалидов, к концу 1942 г. из 35 394 человек 12 002 были инвалидами Отечественной войны (34 %). К концу 1944 г. прирост общей численности инвалидов составил 38,7 %, а доля инвалидов Отечественной войны составила уже 53,3 % [29, с. 70; 33, л. 39; 34, л. 102].

Специфику повседневных гендерных отношений, в которые были включены нетрудоспособные граждане в этот период, лучше всего продемонстрирует следующий эпизод. Уже упоминавшийся молодой инвалид С.Г. Павлишин после возвращения с фронта вступил в брак с гражданкой В.П. Абадаевой. Ее союз с инвалидом обыватели истолковали как попытку нажиться за его счет на благах, которые предоставлялись органами социального обеспечения, а потому осуждали его. Однако вот что писала сама женщина в письме к красноярскому депутату: «Я потеряла своего мужа... и имею [от него] двух детей. Вышла за второго, этого потеряла в Отечественную войну, и остался тоже ребенок, и всего у меня детей трое, [Теперь] я взяла в честь своих мужей инвалида Отечественной войны без рук и без глаз, я сошлась с ним по разрешению крайсобеса... Надо мной смеются, что я живу с таким мужем и предлагают разойтись. Я [не ожидала] этого от советских людей и считаю их своими врагами, я хожу и жалею несчастного мужа, и думаю, что я также выполняю долг перед Родиной... Убаюкиваю, смеюсь, пою, рассказываю, мою, кормлю, обу[ва]ю, папироску скручу и так далее, так за то бесстыдные люди смеются и презирают... Зам. председателя исполкома... даже сказал, что я живу с ним, не любя, а только [чтобы] нажиться, что я аферистка. Но кого же тогда лю-

бить, как не моего мужа, я думаю, что он лучше всех, я горжусь им, и насчет наживы я и думать не хочу...» [цит. по: 25, с. 98].

У женщины, взявшей на себя заботу об инвалиде Отечественной войны, проявляются типичные феминные черты: терпимость и ответственность, альтруизм и заботливость, излишняя эмоциональность, но явно прослеживаются и черты маскулинного гендера: смелость и решительность, и даже некоторая агрессивность в отстаивании своих взглядов и интересов семьи, определенный авантюризм, что, безусловно, является следствием той роли, которую стала играть женщина в советском обществе в период Великой Отечественной войны, выполняющая, по сути, традиционные обязанности мужчин. Тем самым сложилась доминантная модель семейных отношений, где инвалид подчиняется супруге, которая демонстрирует уверенность и собственную значимость, семья отгораживается от общества и воспринимается доминирующим супругом как долговая обязанность, базирующаяся на чувстве тревоги, одиночества и незащищенности. Абадаева в семье продолжает совмещать мужские и женские роли, – она по-прежнему домохозяйка и мать, но она и труженик, и добытчик, и «организатор» всей этой семьи. Она не игнорирует личные интересы, но тесно увязывает их с обязанностями заботиться о муже, получая от государства, что позволяет ей заботиться о детях.

Вообще, проблемы семейной жизни характеризуют повседневность всех инвалидов. Общим для них является то, что инвалид, несмотря на свой статус «нетрудоспособного», активно включался в трудовую деятельность, чтобы обеспечить членов семьи. Так, инвалид Отечественной войны И.В. Черкашин писал: «Я имею семью из четырех человек на иждивении, [которые] не работают по состоянию здоровья...» [24, л. 3–3 об.]. Инвалид III группы А.М. Узунова и вовсе была главой сразу нескольких семейств: «Мой муж... убит на фронте еще в 1942 году, и я, инвалид 3-й группы, осталась одна с сыном... В 1942 г. ушел добро-

вольцем на защиту Родины мой брат... оставив мне на попечение отца... и мать... Кроме того, так как его жена умерла еще в 1940 году, то я вынуждена была взять к себе на иждивение и воспитание и троих его детей... Брат мой погиб на фронте...» [24, л. 10, 12].

К сожалению, довольно часто инвалиды становились объектами стигматизации. Инвалид Отечественной войны В.С. Тарцев писал военному прокурору края: «Я ...нужен был, когда все было цело, а сейчас вижу, что стал никому не нужен» [цит. по: 23, с. 32]. Ему вторит инвалид Б.А. Удалов: «не обращают на инвалидов никакого внимания, только с насмешкой говорят: где покалечился, там и проси...» [цит. по: 23, с. 32]. Бывший офицер В.И. Ретюнский в жалобе в крайком ВКП (б) сообщал, что он «не только [не] получил соболезнование как воин Красной Армии... а, наоборот, началась травля: обзывание бандитом, глупым дураком, “офицер золотые погоны – холодные уши” и всячески, как только угодно...» [26, л. 11–12].

Следует признать, что в этот период действительно существовала определенная дискриминация инвалидов, например, со стороны работников предприятий, которых обязывали принимать инвалидов, но указанные выше случаи стигмы, скорее, относятся к единичным проявлениям персонального недовольства инвалидом или его особенностями со стороны общества. В то же время вряд ли стигматизируемый инвалид представлял собой реальную опасность для тех, кто враждебно к нему относился. Поэтому как общество, так и представители власти, стремились смягчить наличие у инвалида стигмы. Но сами инвалиды порой преувеличивали степень конфликтности с обществом или государством в лице органов социального обеспечения. Результатом этого становилась склонность к самоубийству: «Я иду дорогой, думаю – или повеситься, или зарезаться»; «Я решаюсь на самоубийство, потому что моя жена от меня отказывается, а председатель сельсовета... был согласен, чтобы она меня выгнала»; «Куда

же я должен пойти, [только] самому себя уничтожить» [цит. по: 23, с. 32].

Итак, социальную повседневность инвалидов Отечественной войны в 1941–1945 гг. лучше всего охарактеризует понятие фрустрации, обостренной такими тяжелыми эмоциональными процессами, как тревога, отчаяние, раздражение и разочарование. У них, неспособных удовлетворить элементарные потребности и вынужденных жить в обществе, не признающем их фронтовые заслуги, развивалось убеждение в собственной ущербности, приводившее к возможному травмирующему поведению.

Анализ **духовной повседневности** инвалидов времен Великой Отечественной войны можно начать с изучения их культурных потребностей. Так, инвалиды были заинтересованы в получении информации о том, что происходит в крае, в стране и мире. Инвалид А.С. Литвинов уже перед самым окончанием войны писал о том, в каком вакууме живут инвалиды в районах Красноярского края: «Газет почти не получаем и ничего не знаем» [24, л. 56–56 об.]. Уже известный инвалид С.Г. Павлишин писал заведующей красноярским крайсобесом Левиной: «...Помогите купить мне гармонь русского строя или патефон, так как я не могу ничем заняться... Так я хоть буду развлекать свое горе» [цит. по: 25, с. 100]. Впрочем, в источниках личного происхождения о своих духовных потребностях инвалиды говорили довольно мало, они были в большей степени озабочены проблемами выживания. Поэтому культурно-досуговая жизнь в полной мере обнаруживает себя в инвалидных домах.

Конечно, в материально-техническом отношении и здесь дело обстояло плохо, инвалид Муханов писал даже в газету «Правда» и просил читателей высылать в инвалидные дома хотя бы старые газеты, журналы или книги в связи с отсутствием библиотеки: «Потому образованных людей очень много, но они вынуждены скучать...» [цит. по: 29, с. 74]. Но в плане организации разных мероприятий следует отметить, что в каждом доме инвалидов в

штат входил культработник, из числа инвалидов в помощь ему создавалась культурно-бытовая комиссия, которые занимались организацией повседневной жизни в учреждении. Так, в инвалидных домах были организованы курсы профессионального обучения, проводились индивидуальные и групповые занятия, проходили беседы, доклады, лекции о текущих событиях, читка немногочисленных газет и журналов, выпускалась стенгазета (в одном из домов даже настоящая, хоть и рукописная, газета), имелись красные уголки, радиоустановки, проводились вечера самодеятельности, организовывались походы в театр и кино, работали драматический и музыкальный кружки, проводились шахматно-шашечные турниры [35, л. 1, 3, 4, 12],

то есть в целом общекультурные запросы обеспечиваемых в инвалидных домах удовлетворялись.

Заключение. Подводя итоги, следует акцентировать внимание на том, что в настоящее время существует острая потребность в упорядочении и систематизации исследовательских подходов к изучению истории повседневности. Предлагаемая методика представляет собой всего лишь один из вариантов комплексного исследования различных сторон повседневного мира рядового человека. В то же время пока это только своеобразная «проба пера» с надеждой автора на ее конструктивную критику, дальнейшую модификацию, дополнение и изменение в соответствии с новыми перспективами исторической науки.

Список источников

1. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ, 2010. 316 с.
2. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002. 320 с.
3. Розенберг Н.В. Образ жизни как онтологическая сторона культуры повседневности // Наука. Общество. Государство. 2013. № 1 (1). С. 137–145.
4. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Прогресс-Культура, 1995. Т. 1. 413 с.
5. Горбашова Г.Ф. История повседневности: «мир» человека викторианской эпохи // Запад-Восток. 2009. № 2. С. 66–72.
6. Давидович В.Е., Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и идеология // Философские науки. 2004. № 3. С. 5–17.
7. Отюцкий Г.П. Структура повседневности: методологические подходы российских исследователей // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. С. 13–17.
8. Розенберг Н.В. Структурирование культуры повседневности: методологические подходы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 2 (14). С. 50–57.
9. Гусельцева М. Психология повседневности: методология, история, перспективы // Психологические исследования. 2017. № 10 (51). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 09.10.2023).
10. Плохотников В.С. Производственная повседневность рабочих г. Тюмени в годы первых советских пятилеток: октябрь 1928 – июнь 1941: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2018. 26 с.
11. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142.
12. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 560 с.
13. Щербакова Л.В. Культура повседневности: материальная структура // Вестник АГТУ. 2013. № 1 (55). С. 92–96.
14. Чуева Е.В. Экономические тактики повседневного выживания в условиях бед-

- ности // Социологические исследования. 2012. № 4 (336). С. 88–97.
15. Гудков Л.Д. «Культура повседневности» в новейших социологических теориях. М., 1988. 31 с.
  16. Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 7–25.
  17. Соловьев К.А. Что такое политическая повседневность? Историк и его время: сб. ст. к 70-летию профессора В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2011. С. 192–203.
  18. Соловьев К.А. Археология политической повседневности: послесловие к монографии 2018 года // Новый исторический вестник. 2019. № 3 (61). С. 115–126.
  19. Соловьев К.А. Политическая повседневность: общие принципы и подходы // Будущее нашего прошлого-6: история повседневности и повседневность историка. М.: РГГУ, 2021. С. 26–33.
  20. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 628.
  21. Плотичкина Н.В. Город как пространство политической повседневности // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 154–159.
  22. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-56. Оп. 1. Д. 426.
  23. Ковалев А.С. Инвалидность в годы Великой Отечественной войны: опыт историко-антропологического анализа (на материалах Красноярского края) // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 4. С. 29–38.
  24. ГАКК. Ф. П-24. Оп. 9. Д. 375.
  25. Повседневная жизнь и стратегия выживания инвалида в годы Великой Отечественной войны в Красноярском крае (по материалам переписки с местными государственными и партийными органами) / А.С. Ковалев, Д.Н. Гергулев, Н.Р. Новосельцев [и др.] // Вопросы истории. 2022. № 8-1. С. 95–105.
  26. ГАКК. Ф. П-24. Оп. 9. Д. 319.
  27. Ковалев А.С. Государственная социальная политика и повседневная жизнь инвалидов Красноярского края в 1941–1945 гг. Красноярск: Изд-во СФУ, 2023. 325 с.
  28. ГАКК. Ф. П-7960. Оп. 1. Д. 364.
  29. Мезит Л.Э. Решение социальных проблем населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2016. 96 с.
  30. ГАКК. Ф. П-56. Оп. 1. Д. 426. Л. 238а–239.
  31. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: стат. исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-пресс, 2001. 608 с.
  32. Зинич М.С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М., 2019. 349 с.
  33. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 563.
  34. ГАКК. Ф. Р-1430. Оп. 1. Д. 535.
  35. ГАКК. Ф. Р-1430. Оп. 1. Д. 479.

References

1. Orlov I.B. Sovetskaya povsednevnost': istoricheskij i sociologicheskiy aspekty stanovleniya. M.: VSHEH, 2010. 316 s.
2. Leleko V.D. Prostranstvo povsednevnosti v evropejskoj kul'ture. SPb., 2002. 320 s.
3. Rozenberg N.V. Obraz zhizni kak ontologicheskaya storona kul'tury povsednevnosti // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2013. № 1 (1). S. 137–145.
4. Khejzinga J. Osen' Srednevekov'ya. M.: Progress-Kul'tura, 1995. T. 1. 413 s.
5. Gorbashova G.F. Istoriya povsednevnosti: «miR» cheloveka viktorian-skoj ehpokhi // Zapad-Vostok. 2009. № 2. S. 66–72.
6. Davidovich V.E., Zolotukhina-Abolina E.V. Povsednevnost' i ideologiya // Filosofskie

- nauki. 2004. № 3. S. 5–17.
7. *Otyuckij G.P.* Struktura povsednevnosti: metodologicheskie podkhody rossijskikh issledovatelej // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. 2014. № 38. S. 13–17.
  8. *Rozenberg N.V.* Strukturirovanie kul'tury povsednevnosti: metodo-logicheskie podkhody // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2010. № 2 (14). S. 50–57.
  9. *Gusel'ceva M.* Psikhologiya povsednevnosti: metodologiya, istoriya, perspektivy // Psikhologicheskie issledovaniya. 2017. № 10 (51). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 09.10.2023).
  10. *Plokhotnikov V.S.* Proizvodstvennaya povsednevnost' rabochikh g. Tyu-meni v gody pervykh sovetskikh pyatiletok: oktyabr' 1928 – iyun' 1941: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tyumen', 2018. 26 s.
  11. *Brodel' F.* Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'-nost' // Filosofiya i metodologiya istorii. M., 1977. S. 115–142.
  12. *Le Goff ZH.* Civilizaciya srednevekovogo Zapada. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007. 560 s.
  13. *Shcherbakova L.V.* Kul'tura povsednevnosti: material'naya struktura // Vestnik AG-TU. 2013. № 1 (55). S. 92–96.
  14. *Chueva E.V.* Ehkonomicheskie taktiki povsednevnogo vyzhivaniya v usloviyakh bednosti // Sociologicheskie issledovaniya. 2012. № 4 (336). S. 88–97.
  15. *Gudkov L.D.* «Kul'tura povsednevnosti» v novejskikh sociologicheskikh teoriyakh. M., 1988. 31 s.
  16. *Polyakova N.L.* Oformlenie social'nogo neravenstva v praktikakh povsednevnosti: istoricheskaya perspektiva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. 2018. T. 24. № 4. S. 7–25.
  17. *Solov'ev K.A.* Chto takoe politicheskaya povsednevnost'? Istorik i ego vremena: sb. st. k 70-letiyu professora V.V. Shelokhaeva. M.: ROSSPEHN, 2011. S. 192–203.
  18. *Solov'ev K.A.* Arkheologiya politicheskoy povsednevnosti: posleslovie k monografii 2018 goda // Novyj istoricheskij vestnik. 2019. № 3 (61). S. 115–126.
  19. *Solov'ev K.A.* Politicheskaya povsednevnost': obshchie principy i podkhody // Budushchee nashego proshlogo-6: istoriya povsednevnosti i povsednevnost' istorika. M.: RGGU, 2021. S. 26–33.
  20. *Veber M.* Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. S. 628.
  21. *Plotichkina N.V.* Gorod kak prostranstvo politicheskoy povsednevnosti // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2012. № 1. S. 154–159.
  22. Gosudarstvennyj arkhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK). F. P-56. Op. 1. D. 426.
  23. *Kovalev A.S.* Invalidnost' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: opyt istoriko-antropologicheskogo analiza (na materialakh Krasnoyarskogo kraja) // Sibirskij antropologicheskij zhurnal. 2022. T. 6. № 4. S. 29–38.
  24. GAKK. F. P-24. Op. 9. D. 375.
  25. Povsednevnaya zhizn' i strategiya vyzhivaniya invalida v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v Krasnoyarskom krae (po materialam perezpiski s mestnymi gosudarstvennymi i partijnymi organami) / *A.S. Kovalev, D.N. Gergilev, N.R. Novosel'cev* [i dr.] // Voprosy istorii. 2022. № 8-1. S. 95–105.
  26. GAKK. F. P-24. Op. 9. D. 319.
  27. *Kovalev A.S.* Gosudarstvennaya social'naya politika i povsednevnaya zhizn' invalidov Krasnoyarskogo kraja v 1941–1945 gg. Krasnoyarsk: Izd-vo SFU, 2023. 325 s.
  28. GAKK. F. P-7960. Op. 1. D. 364.
  29. *Mezit L.EH.* Reshenie social'nykh problem naseleniya Krasnoyarskogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Krasnoyarsk, 2016. 96 s.
  30. GAKK. F. P-56. Op. 1. D. 426. L. 238A–239.
  31. Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil: stat. issledovanie / pod

- obshch. red. *G.F. Krivosheeva*. М.: Olma-press, 2001. 608 s.
32. *Zinich M.S.* Povsednevnyaya zhizn' naroda v gody Velikoj Otechestven-noj vojny. М., 2019. 349 s.
  33. ГАКК. F. P-26. Оп. 3. D. 563.
  34. ГАКК. F. R-1430. Оп. 1. D. 535.
  35. ГАКК. F. R-1430. Оп. 1. D. 479.

Статья принята к публикации 10.01.2024/
The article has been accepted for publication 10.01.2024.

Информация об авторе:

Александр Сергеевич Ковалев, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, доктор исторических наук, доцент

Information about the authors:

Alexander Sergeevich Kovalev, Professor at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Doctor of Historical Sciences, Docent

